

НАДЕЖДА ГОЛУБЕНКОВА

Второй шанс

Надежда Голубенкова

Второй шанс

«Издательские решения»

Голубенкова Н.

Второй шанс / Н. Голубенкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743896-8

После смерти, представ перед Богом, человек искренне раскаялся в своих земных грехах. Господь, по великому милосердию Своему, даёт ему уникальный шанс всё исправить, отправив во второй раз на землю. Главному герою предстоит прожить жизнь заново, не помня о предыдущих ошибках, но под всеблагим руководством Божиим. Это рассказ о 16-летнем подростке, воспитаннике детского дома, который, пройдя сквозь череду удивительных событий, становится юношей и приходит к вере...

ISBN 978-5-44-743896-8

© Голубенкова Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Встреча	8
Глава 2. Подарок	12
Глава 3. Неожиданное решение	17
Глава 4. В поисках правды	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Второй шанс

Надежда Голубенкова

Посвящается Алексею Климову, моему доброму дедушке.

© Надежда Голубенкова, 2017

ISBN 978-5-4474-3896-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Человек стоял перед Богом на сороковой день после своей смерти и не решался поднять глаз. Он уже видел и красоты Царствия Небесного, и «прелести» ада. Только побывав в аду, он осознал, насколько никчёмной была его прежняя земная жизнь, как далёк он был от Бога. Он готов был сам вернуться в ад, где было ему самое место, лишь бы не слышать своего приговора, лишь бы не потерять тот призрачный лучик надежды на милосердие Божие. Да и мог ли он вообще надеяться на хоть какое-то снисхождение, когда причинил самым близким людям столько горя, своими руками превратил их жизнь в ад на земле!

Царившая вокруг благоговейная тишина, этот неописуемо яркий и в то же время мягкий свет, присутствие Божие, которое он ощущал всем своим существом, лишь усиливали чувство вины и раскаяния. Он ощущал себя ребёнком, сотворившим нечто ужасное, что теперь уже невозможно исправить, и ожидавшим справедливой кары от отца. А ведь он так и не простил родителей, принявших с распростёртыми объятьями его беременную супругу, когда он сам с пеной у рта настаивал на аборте! Так ни разу за два года не навестил ни их, ни своего родившегося ребёнка. Не получив развода, назло всем уехал в другую часть страны, чтобы его не нашли и не затребовали алиментов...

А его лучший друг, которого он так подло подставил, стремясь избежать сокращения на работе! И тогда было плевать и на многолетнюю дружбу, и на то, что у друга семья и сын-инвалид, которому требовалась операция. Деньги, что он так стремился всю жизнь зарабатывать, где они сейчас? Здесь не было ни их, ни его новенькой иномарки, ни квартиры. Ничего, чем он так дорожил в земной жизни. Был только он и его жизнь. Серая, никчёмная, пустая. В одночасье исчезли из неё иллюзии успеха и обеспеченности, обманы, которым он верил и которыми жил. А важное... важное он в жизни так и не понял.

И что теперь он сможет сказать в своё оправдание? Кому он помог? Кого накормил и утешил? Да и мог ли он видеть страдания и нужды других, когда всё заслоняли его желания и мечты? Хуже того, он насмеялся над самым святым, что было в его жизни – своей венчанной женой и своим ребёнком. Венчание, на котором настояла его супруга, и которое ему всегда казалось чем-то незначительным, чисто внешним, оказалось здесь, на Небе, огромной силой, связывающей навечно души людей. Он видел в раю, как счастливы эти души, и с огромной скорбью понял, что обрэк свою жену на одиночество не только в земной, но и в этой жизни...

– Ты можешь меня попросить о чём угодно.

Человек вздрогнул, совсем не ожидая услышать этот кроткий, полный смирения и любви тихий голос. Медленно и нерешительно подняв глаза, он произнёс:

– Господи, дай мне шанс всё исправить.

Бог улыбнулся, и в следующее мгновение человека окружила кромешная тьма.

Секунды... часы... годы... Здесь не было времени, не было ничего. Темнота давила. Кто он и что он – человек уже не помнил. Однако его новый мир не стоял на месте. Прошло бесконечно много времени, но вот стали появляться какие-то странные страшные звуки, сотрясающие его мир. Человек не знал, кто их издаёт, но он был уже не один. Темнота продолжала давить, звуки пугали, но среди них был какой-то ритмичный звук, которому подчинялась вся его вселенная, который вернул ощущение времени и дал чувство надежды и защи-

щённости в этом царстве забвения. Он вновь стал ощущать себя, мог исследовать мир и тело, в котором оказался...

Свет. Яркий, режущий глаза, стал полной неожиданностью. Мир вокруг изменился до неузнаваемости, стал чужим, холодным! Тело в этой среде не слушалось. Он закричал, но из горла вылетел лишь слабый писк. Вокруг были неизвестные звуки, множество ярких непонятных чудовищ, которые держали его, и наверняка сейчас будут пытаться! «Вот и ад» – какой-то ещё уцелевшей частью сознания подумал человек.

– Поздравляем, мамаша, у вас мальчик.

Ребёнка положили рядом с матерью. Согретый её теплом и убаюканный ставшим родным за восемь месяцев стуком её сердца, малыш быстро уснул. А женщина плакала от понимания, что осталась совсем одна с маленьким ребёнком на руках в огромном городе. Два часа назад ей сообщили, что муж погиб, что и вызвало преждевременные роды, которые, к счастью, прошли удачно. Теперь рядом с ней лежал их мальчик, последний родной ей человек в этом чужом и жестоком мире.

Глава 1. Встреча

Заброшенная двухэтажка на окраине провинциального городка. Он любил здесь бывать. Сидеть на крыльце или, выдернув несколько плохо заколоченных досок, забраться через окно в сам дом, чтобы скрыться от взглядов редких прохожих.

Наверно, дом когда-то был общежитием. Длинный коридор, восемь комнат и общие кухня и санузел. Второй этаж ни чем не отличался от первого, разве что туда было труднее забраться: лестница давно прогнила, часть ступенек провалилась, да и остальные могут в любой момент под тобою рухнуть. Он раз уже ободрал ногу, неосторожно наступив на гнилую доску, которая не замедлила сломаться под его весом. Благо, успел тогда среагировать. Пришлось говорить воспитателям, что не заметил колодца. Его потом две недели не отпускали гулять.

Детский дом. Он смутно помнил жизнь до него. У него не было фотографий родителей, хотя он очень надеялся найти их в своей квартире, в которую ему вход пока был закрыт. Ещё два года и один день. Именно тогда он станет совершеннолетним и сможет вернуться в квартиру матери. Квартиру его детства.

А ещё он собирался найти отца. Он знал, что в его свидетельстве о рождении числится только мама. Иногда она снилась ему. Улыбающаяся и молодая. Ему едва исполнилось семь, когда она умерла. Он не был на похоронах, не знал, где находится её могила. Его забрали раньше, когда мама слегла. Её определили в больницу, а его – во временный приёмник. Он помнил её жаркие слёзы и обещания, что она его обязательно заберёт, как поправится. Но этого не случилось. В первый класс он уже пошёл здесь, в детском доме.

«Домашний мальчик». Его шпыняли за то, что он слушался воспитателей, насмехались, когда он, забывшись, вспоминал о доме. Сейчас он понимал, что ребята просто завидовали. От многих отказывались ещё при рождении, они никогда не знали домашнего уюта, но каждый втайне мечтал о том, что за ним придут его опомнившиеся родители и заберут отсюда. Но никто не приходил. Почти никогда. За девять лет, что он прожил в детском доме, он мог по пальцам пересчитать тех, кого действительно забрали. Это были счастливчики, избранные. «Это должен был быть я», – читалось на озлобленных завистью детских лицах. С каждым днём, с каждым месяцем надежда обрести семью у его товарищей таяла. Постепенно, незаметно, но однажды наступает момент, когда подросток понимает, что уже никому не нужен. «Слишком взрослый», «больной», «некрасивый», «сложный характер»... И некуда выместить свои злость и отчаяние, как только на младших, у которых ещё есть хоть малюсенький, но шанс...

Теперь он это понимал. Но тогда он был маленьким мальчиком, который обиженный и в слезах бежал и жаловался воспитателям. За это его избивали. Пока однажды он не попал в больницу. Васька, старший из его неприятелей, не рассчитал силу и сломал ему руку. Он, скуля от боли, полчаса лежал в туалете, пока его не услышала ночная нянечка, делавшая обход. Тогда он впервые соврал. Сказал, что упал. Он до сих пор не знает, что заставило его тогда это сказать: боязнь, что мальчишки изобьют ещё сильнее; неожиданное «прозрение» или испуганные глаза Васьки, когда тот понял что «перестарался с мелким». В любом случае, он так и не выдал взрослым обидчиков.

Тот день стал поворотным в его жизни. И, скорее всего, именно тогда закончилось его наивное детство. Вернувшись с загипсованной рукой, он повторно подвергся допросу нянечек и воспитателей, потом был психолог, но и ей он ничего нового не сказал. Упал и всё. А синяки не новые, они были, просто ещё не зажили. «Закрылся».

А следующей ночью заглянул Васька. Ничего не сказал, просто кивнул и пожал руку. Совсем по-взрослому.

С той ночи он перестал, засыпая, плакать о маме. Он повзрослел. Он принял свою новую, такую чуждую для него жизнь. Жизнь, когда сначала надеешься на чудо, потом разочаровываешься и проклинаешь весь мир и, в конце концов, просто ждёшь, когда тебе исполнится восемнадцать и ты сможешь, наконец, покинуть это Богом забытое место.

Он не надеялся. Он знал, что забрать его некому.

Также в детском доме были дети, которых забирали от плохих родителей. Часто через какое-то время за ними приходили бабушки или тётки и они возвращались в семью. «Социальные сироты», «дети улицы». Такие держались особняком. Их не трогали – они могли за себя постоять. Им завидовали, но меньше. Их жизнь зачастую была полуголодной, нищей, жестокой, безрадостной, но у них были родные, их навещали, их забирали...

А его жизнь до детского дома была, с точки зрения приютских ребят, отказников, идеальна. Полная любви и света. Это их злило, давало повод задеть, унижить, оскорбить, ударить. Так было до той памятной ночи. А потом... Потом Васька взял его под свою защиту.

– Эй, Серый, ты здесь? – раздался с улицы знакомый голос.

Парень, споткнувшись о валяющуюся на полу ножку стула, поспешил к окну.

– Привет! Как жизнь на свободе?

– Да ничего, течёт помаленьку.

Это и был тот самый Василий. Бывший недруг, а теперь лучший и единственный друг. Полгода назад Васе исполнилось восемнадцать и он три недели назад, после сдачи экзаменов, получил, наконец, заветные ключи от своей двушки. Как узнал в своё время Сергей, друг тоже не был отказником. Он выжил в аварии, где потерял всех родных. Выжил, но родственников, которые взяли бы его к себе, не нашлось, и он оказался в приюте, а потом – в их детском доме. За год до того, как туда попал сам Сергей. Вася был старше и быстро сориентировался. Он догадался сказать остальным, что его просто перевели из другого детского дома, и его приняли. Небольшая ложь, так облегчившая ему жизнь.

Сейчас вся их бывшая банда поминала его последними словами. Андрюха, Димон и Жека отлично знали, как сложно получить от государства положенную жилплощадь. Пределом мечтаний детдомовцев была отдельная однёшка в новом районе. Но, как показывал их опыт, о такой роскоши приходится только мечтать: чаще приютским спихивали комнату в старой шахтёрской коммуналке или убитую квартиру в хрущовке. Кроме того, на их памяти некоторые ждали своей очереди по году, а то и дольше. А Васька получил всё и сразу.

– Слышал, ваш класс тоже устраивал выпускной. Кстати, как результаты ОГЭ? – запрыгивая в окно и вальяжно усевшись на подоконнике, спросил Вася.

– Да так, можно было и лучше, – неохотно признался Сергей.

– Двоек же нет? – усмехнулся друг.

– Неа, – покачал он головой, – по математике даже четвёрка.

– Вот и отлично. Учись, не позорь там меня.

Несмотря на свой пробивной характер, друг учёбой никогда не пренебрегал. Да и, надо сказать, давалась она ему полушутя. Сергей всегда намного больше тратил времени на домашние задания, да и зачастую зубрить приходилось, а друг раз прочитал – и готово.

– Ты-то сам уже определился, куда поступать будешь? – поинтересовался подросток. В их детском доме ребята в основном шли в техникум после девятого класса, Вася был одним из редких исключений.

– Ага, в университет.

– Неужели набрал? – удивлённо посмотрел на него Серёжа.

Вася гордо выпрямился и кивнул. Друг ещё в восьмом классе решил, что будет геологом и целенаправленно шёл к этой мечте. Несмотря на опасения и отговоры преподавателей, взял на ЕГЭ не только основные предметы (русский и математику) и обществознание,

но и необходимые ему химию и физику. Сергей знал, что друг сдал всё, но вот хватило ли ему для поступления набранных на экзаменах баллов оставалось неясным.

– А ты как: решил продолжить учёбу? – по-братски спросил Вася.

– Наверяд ли, – Сергей окинул взглядом пыльную мрачную давно нежилую комнату. – Я с этим ОГЭ-то еле справился. Наверно, как все, в техникум поступать буду. В принципе мне без разницы: день рождения всё равно летом, так что ключи мне должны день в день дать. Сомневаюсь я насчёт одиннадцатого класса. А вдруг зря два года потеряю?

– Тебе решать, – пожал плечом Вася. – Я не считаю, что два года у меня потеряны. Даже то, что ключи пришлось ждать – ерунда. Зато я буду тем, кем хотел. Ты что, до сих пор не определился?

Серёжа посмотрел мимо друга в окно, где ещё стояла одна рама. В пыльном и мутном стекле как в зеркале отразилась его растерянная физиономия. Тёмно-русые давно не стриженные волосы обрамляли лицо, на котором выделялись серые глаза. В конце месяца в детском придёт парикмахер и их всех вновь подстригут под машинку. Может попросить, чтоб оставили подлиннее, в конце концов, он уже взрослый и ему могут пойти навстречу. Вон Васяка вообще за последний год отрастил волосы чуть ли не до плеч, и ему никто из воспитателей ничего не сказал.

– О чём задумался? – лениво вырвал его из размышлений друг.

– Да так, надоело быть, как все, – от души с обидой выплюнул парень, поднимая оставленный бывшими хозяевами табурет и садясь на него.

– Так не будь, у тебя есть на это все шансы, – хмыкнул Вася.

Друг всегда отличался догадливостью. Вот и сейчас в его тёмно-синих глазах промелькнуло понимание.

– Парни? Они тебя достают?

Сергей поджал губы, но всё же ответил. Всё-таки Вася был больше, чем друг. Он считал его чуть ли не своим старшим братом:

– Просто игнорят, считают предателем, как и тебя.

– Завидуют, – констатировал приятель. – Не обращай внимания. Перебесятся.

– Тебе легко говорить. А что будет, если я раньше их перееду в квартиру? Ещё пристукнут в каком-нибудь переулке.

– Не переживай, я же до сих пор жив.

– Тебя-то они уважают, даже если и обижены, а я с вами всегда так, за компанию был, – не согласился Сергей, изучая свои ботинки.

Неожиданно Вася расхохотался. Просто так, без какого-либо повода. Сергей не выдержал и недоумённо поднял на друга глаза.

– Что раскис, как девчонка? Прости, просто ты напомнил мне того маленького мальчика, которого привели когда-то воспитатели на мою голову. Ты до сих пор не понял, что каждый сам за себя? Они могут хоть лопнуть от зависти, но ведь мы все с самого начала знали, что у тебя есть квартира. Вот я – другое дело, на меня они могут злиться. Так что просто не бери в голову. Захотят общаться – сами подойдут.

– Прости, просто напрягает их бойкот, – Сергей вздохнул. Ему стало гораздо легче, что поделился с другом бедой, хотя и стыдно, что переживает, как маленький.

– Если скучно, обрати внимание на девчонок, – посоветовал Вася.

– Кстати, а ты работу будешь искать? – решил сменить тему Сергей.

Друг неопределённо повёл плечами:

– Зачем? За десять лет неплохо пособие набежало. Вроде ещё дополнительную стипендию начислить должны. В общем, до конца учёбы как-нибудь проживу, если жировать шибко не буду. А там уже по специальности устроюсь.

– Какое пособие? – удивился Сергей.

– По потере кормильца. Её на сберкнижку перечисляют и потом отдают, как из детдома уходишь. Я всё на карточку перевёл – удобней. Сейчас поступлю, возьму справку, и мне сказали, что почти до конца учёбы продолжу его получать, как зарплату. Тебе тоже должны переводить, неужели никто не говорил?

– Возможно, – кивнул Серёжа.

– Просмотри, наконец, законы. Как ты собираешься жить, если не знаешь, что и почему тебе положено? – возвёл глаза к потолку Вася.

– Зачем? Ты же есть, – честно ответил подросток.

– Разбаловал я тебя, – с театральным сокрушением произнёс друг. – Ладно, беги, а то Лариса Степановна ворчать будет. Встретимся через неделю на этом же месте.

– Замётано.

И они разошлись. А через двадцать минут Серёжа поднимался уже в свою комнату. Вахтёрша осуждающе покачала головой, закрывая на засов двери детского дома.

Глава 2. Подарок

День рождения. Ещё целых два года в этой тюрьме!

Сергей неохотно сел на кровати. Сейчас были каникулы и их будили позже, чем в учебное время. За полчаса до завтрака, чтобы они успели умыться, привести себя в порядок и застелить постель. Можно было и не вставать, но тогда воспитатели лишат ужина, а у него сегодня всё-таки праздник. Полвосьмого. Но разве нельзя было летом перенести завтрак хотя бы на девять?

Его сосед Петька уже убежал в душ, а он всё сидел, пытаясь заставить себя проснуться. Вчера он полночи составлял список того, что купит себе в качестве подарков за все те дни рождения, что провёл в детском доме. Ноутбук, телефон, плеер, велосипед – это лишь то небольшое, что он хотел приобрести в первую очередь. Он знал, что если выберет техникум, то стипендию ему на руки не отдадут. Благодаря Васе теперь он был в курсе, что деньги не пропадут, а будут копиться на его счету. Оставалось только пережить ближайших два года. Без друга будет скучно...

– Ты в столовку идёшь или как? – в комнату вернулся сосед с мокрой головой и полотенцем на шее.

– Угу, – Сергей, наконец, заставил себя подняться.

В столовую он спустился одним из последних. Малыши, приведённые своими воспитателями, уже уплетали кашу за обе щёки. Здесь быстро учили всё есть даже самых привередливых. Отказался от завтрака, не дали ужина. С голоду не умрёшь, но вот чувство голода будет преследовать. Больше недели ещё никто не держался. В своё время он сдался на третий день. Противней всего была рисовая каша, а вот манную он даже распробовал, несмотря на комочки. Сегодня был геркулес.

– Минуточку внимания! – раздался голос Алевтины Петровны, дежурившей сегодня воспитательницы. – Давайте все вместе поздравим нашего Серёженьку. У него сегодня день рождения!

Сергей скривился. Ну не любил он, когда его так называли. Это просто издевательство: будто он какой-то сопливый дошкольник!

подавив волну раздражения и нацепив на лицо фальшивую улыбку, он подошёл к пожилой женщине. По-семейному обняв воспитанника, Алевтина Петровна вручила ему открытку и мешочек с конфетами. Сергей, как и положено, раздал каждому из ребят по две. Не делиться было нельзя: мало того, что нарвёшься на «праведный гнев» воспитателей и поваров, так и чего доброго свои ночью изобьют. Такие случаи бывали не раз. С тоской глянув на последнюю пару конфет, мальчик вернулся на своё место: да, ни больше, ни меньше. Интересно, а закупают конфеты воспитатели тоже поштучно или лишние оставляют себе?

Зато в открытку были вложены сто рублей. На подарок. Вот их никто не заберёт, это для детдомовцев табу. Только что можно купить на жалкую сотню в наше-то время?

Вообще-то, иметь деньги было опасно. Некоторые его сверстники буквально стерегли тех, кого навещали родственники. Воспитатели и нянечки, конечно, строго следили за этим, но всё равно случались весьма неприятные инциденты.

Позавтракав, Серёжа отпросился гулять. Бросив на тумбочку ненужную открытку и засунув деньги в карман джинсов, подросток отправился в магазин выбирать себе подарок. В прошлом году он купил чипсы и семечки, на четырнадцатилетие – пять пачек жвачки. Он тогда поделился ею с ребятами. Тот год был первым, когда ему подарили не обычную шоколадку в придачу к открытке, а деньги. Он до сих пор помнил ту радость, что его переполняла, когда он сжимал в руке свою первую купюру и не знал, на что потратить её.

Теперь же он был растерян. Проходя между полок, он никак не мог найти то единственное, что ему хотелось бы в данный момент больше всего. Эскимо? Так через пять минут он его съест и ничего не останется. Сигареты? Так он не курит. Принципиально. Как-то в начальной школе над ним жестоко посмеялись старшеклассники. Позвали за угол школы и заставили докуривать чей-то бычок. Он вырвался и убежал, но с тех пор на сигареты и табачный дым у него стойкая неприязнь. Да и Вася не курил, по каким-то ему одному известным убеждениям.

Серёжа остановился. Неожиданно пришло осознание, что в этот раз он хочет нечто, что можно было бы оставить себе на память. Какую-то незаурядную вещь, которая ему поможет скоротать оставшийся срок. «Часы!» – мелькнула внезапная догадка. Но какие часы можно купить на сто рублей? Детские, на пластмассовом ремешке? Так ведь пацаны засмеют. И плевать, что он с ними теперь не общается, почему-то их мнение всё равно было важно подростку, хотя он сам себе не желал признаваться в этом.

Побродив по проспекту, Сергей дошёл до магазина, где можно было купить практически всё от ушных палочек до верхней одежды.

– Мам, ну когда он откроется? – ныла девочка лет семи, дёргая закрытые двери.

– Даша, немедленно прекрати! – прикрикнула на неё женщина. – Подожди пять минут.

Ясно, значит сейчас только без пяти или без десяти десять. А он-то был уверен, что минимум одиннадцатый час. Ничего не поделаешь, придётся немного посидеть на лавочке.

Серёжа смотрел на фонтан, чувствуя, что не выспался. Всё вокруг казалось каким-то скучным и серым, несмотря на ясное небо и начинающее припекать солнце. Апатия и уныние заполняли его измученную жизнью душу. Ему сейчас представлялось, что его отец – бизнесмен или известный политик. Возможно, он в данный момент отдыхает где-нибудь на Гоа со своей женой и другими детьми. А, может, у него нет семьи и он живёт в Мексике со своей любовницей и совершенно, ну ни капельки, не думает о нём, своём сыне, вынужденном прозябать в этой дыре. Без друзей, без денег, без будущего...

Двери магазина открылись, и туда устремился небольшой поток ранних покупателей. Горько вздохнув, мальчик поднялся и отправился искать себе подарок, не очень надеясь, что сможет найти. И действительно, в часовом отделе самые дешёвые мужские часы стоили триста рублей. «Может, сделать заначку? Как раз через два года накопится. Смогу купить, если не подорожают», – отстранённо подумал парень, в последний раз бросая взгляд на часы.

Бездумно он стал бродить от витрины к витрине, пока не дошёл до сувенирного отдела. Он в восхищении замер, разглядывая бронзовые и керамические статуэтки, стеклянные шары и пирамиды с голограммами внутри, каменные фигурки, резные шахматы... И вот, он не поверил своим глазам. Неожиданное и гениальное решение, о котором он даже не думал! Среди наиболее дешёвых сувениров и свечек оказалось несколько песочных часов!

– Покажите, пожалуйста, – не сумев справиться с волнением, указал он продавщице на двое часов, стоявших ровно по сто рублей.

Молоденькая женщина достала откуда-то из коробок точно такие же часы, как на витрине. Первые были обычные, классической формы с тёмно-жёлтым песком, как нарисованы в учебнике по истории или математике. Вторые, с синим песком, были заключены в какую-то прозрачную монолитную пластиковую форму, задняя стенка которой представляла собой непрозрачную белую панель.

– Фосфоресцирующие, – пояснила продавщица. – Если держать на свету или на несколько секунд поднести к лампочке для зарядки, будут светиться всю ночь, – добавила она, заметив растерянность в глазах подростка.

– Класс, – только и смог ответить Сергей. – А сколько они показывают времени?

– Где-то минуту, – оценивая количество песка, пожала плечами девушка.

– А можно проверить? – кинув взгляд на её наручные часы, попросил Сергей.

Не наблюдая на горизонте других покупателей, продавщица согласилась. Они засекли время и перевернули часы. Потом второй раз и третий. Наконец продавщица недоумённо заметила.

– Ну это лишь сувенир, что вы хотели? – затем осмотрела вторые часы и более радостно добавила. – А эти на три минуты, здесь даже подписано. Если хотите, можем проверить.

– Нет, спасибо, я беру их, – нисколько не сомневаясь, взял он «неправильные». Все три эксперимента они показывали ровно 57 секунд.

– Ух ты! Прикольно! Я тоже такие хочу! – слышалось со всех сторон.

Он был в общей комнате, довольно большом зале со множеством старых диванчиков и кресел, двумя журнальными столиками, шкафом, где хранились настольные игры; подаренным на Рождество каким-то спонсором телевизором и игровым уголком для младших. Здесь отдыхали только средняя и старшая группы. То есть те, кто уже ходил в школу. Дошкольники имели отдельную игровую в своей части здания и с ними пересекались только в столовой.

Вернувшись из магазина, Серёжа сразу пошёл показывать всем ребятам покупку. Это была единственная гарантия, что часы не украдут. Купи он что-нибудь из еды, проблем бы не было: съел где-нибудь втихомолочку – и всех делов. А вот вещь надо было либо хорошенько прятать, либо показывать, чтобы все были в курсе, что именно на неё он истратил подарочные деньги. От зависти это не спасёт, но негласный закон ещё никто не преступал – красть не будут.

– Эх, надо было и мне что-нибудь эдакое прикупить, – посетовал его одноклассник Гоша, сам справивший день рождения две недели назад.

Обычно вещи себе покупали девчонки – всякие заколки, зеркальца, серёжки, лак и прочие женские фенечки. Парни, кто курил, – сигареты. Это была их единственная пачка, и они старались растянуть её на весь год, закуривая по праздникам. В остальное время либо подбирали бычки, либо выбивали у «домашних». Кому везло, могли угостить и охранники школы. Естественно, если сигареты находили воспитатели, их изымали, а неудачливого курильщика могли лишиться и этих столь редких подарочных денег. Так в прошлом году попался Пашка. Ему как раз стукнуло четырнадцать, и он впервые получил «взрослый» подарок. Поймала его нянечка в тот же день. Этот балбес догадался ночью закурить в туалете. Теперь до выпуска из детдома в подарок будет получать только шоколадки. Да и от директора здорово влетело, весь этаж слышал, как она на него кричала.

– В следующем году купишь, – усмехнувшись, утешил Сергей Егора. Ходили слухи, что тот на свои деньги умудрился где-то раздобыть банку пива. Тот ничего не подтверждал, но и не отрицал. На что в действительности Гошка потратил свои подарочные, так и осталось загадкой.

– Я что-нибудь покруче придумаю, – хмыкнул в ответ одноклассник. В заблестевших глазах уже угадывались миллионы возможных вариантов.

Вообще Егор был неплохим парнем, но слишком заносчивым. Он просто грезил физикой и постоянно что-нибудь изобретал из всякого найденного на улицах хлама. Воспитатели ворчали, но не запрещали юному гению творить.

– Ерунда какая-то, – раздался пренебрежительный голос за спиной.

Сергей оглянулся и встретился глазами с Андреем. Тот был на голову выше его и намного крупнее. Один из их с Васькой бывших приятелей.

– И зачем тебе эта дрянь? – поддержал нового лидера их старой банды Женя. Несмотря на ангельскую внешность и бешеную популярность у девчонок всех возрастов, невысокий

голубоглазый блондин был самым опасным противником из этого трио. Именно он всегда был «мозгом» их шайки. Разработанные им «операции» ещё ни разу не давали сбой.

Сергей, хоть и участвовал в своё время в делах банды, и даже получал удовольствие от ночных краж из столовой или мелкого воровства на рынке, вздохнул с облегчением, когда с уходом Васи его вытурили оттуда. Без друга у пацанов совсем снесло крышу. Насколько знал Серёжа, они всю планировали выколачивать деньги из «домашней» малышни и уже составили список богатеньких жертв. Их даже не останавливал тот факт, что на их памяти были случаи, когда за кражу денег или мобильного телефона воспитатели жестоко наказывали. Над одной девчонкой даже был суд: она покалечила свою жертву из-за обычной губной помады. К счастью, ей дали лишь условный срок. В прошлом году выпускалась. А если они случайно кого-то пристукнут? Забавно будет вместо выпуска из детдома отправиться в колонию для малолетних. В принципе, за такие мысли его и выгнали из банды, а дружба с Васей была только предлогом.

– Да оставьте вы этого червяка, – внёс свою лепту Дима, назначенный Андрюхой казначеем их шайки. Жилистый шатен всегда был остр на язык даже среди своих, но зато мог стать превосходным карманником. Карточные фокусы, обман, блеф – это всё его стезя. Даже если что-то шло не так и не получалось отвлечь продавца, Димону всегда удавалось стащить несколько яблок или конфет.

– А не боитесь, что я вас сдам? – так, чтобы остальные не слышали, храбро ответил парням Сергей.

– Рискни, – растянул губы в мерзкой улыбке Дмитрий.

– Только не забудь в завещании написать, какой хочешь гроб, – тихо и на абсолютном серьёзе добавил Жека.

Андрей, не отличающийся особым умом, так и не нашёлся, что добавить. Мрачно показав имениннику кулак, он отправился вон из комнаты, парни последовали за ним.

«И как этот идиот вообще стал лидером?» – про себя подумал Сергей.

При Васе Андрею чаще всего отводилась роль эдакого амбала: тот всегда любил орать и махать кулаками. Он был просто незаменим в различных разборках с дворовой шпаной или с другими детдомовцами, когда кого-то надо было приструнить. Довольно неуклюжий, в уличном воровстве Андрюха не участвовал, зато когда они забирались на кухню, мог многое спрятать в своих бездонных карманах. К слову, именно это и стало причиной того, что Сергея довольно быстро приняли в банду: им тогда по зарез нужен был кто-то, кто мог стоять на стрёме в коридоре вместо Андрея.

Дальше разборок и мелкого воровства в то время не заходило. Ну, за исключением нескольких случаев хулиганства, когда они проткнули колёса директорской машины или изрезали шубу вахтёрше, сдавшей директрисе их поздний приход (за что все пятеро получили выговоры и остались без подарков на Рождество). И хотя все знали, кто виноват, ни доказательств, ни свидетелей не оказалось. Разгневанная директриса после этого на целый месяц всех воспитанников посадила под «домашний арест».

И вот теперь их банда в усечённом составе выходила на новый, довольно опасный, уровень.

– Можно посмотреть? – отвлёк подростка от размышления неуверенный детский голосок.

Серёжа взглянул на девочку лет восьми. За ней стояли ещё несколько малышей, с любопытством вытягивая шеи. «Вроде бы Наташа», – припомнил мальчик. Он вообще плохо помнил имена малышей. Ещё пяти-шестиклассники, которых он застал в средней группе, были ему знакомы, а те, кто перешёл в неё в последние три года, были подростку абсолютно неинтересны. Тем более он предпочитал проводить время на улице, а не в общей комнате, где всегда было полно мелких.

– Комната, имя? – резко спросил он.

– Настя, комната номер двенадцать, – испуганно пропищала малышка. – Воспитательница Галина Алексеевна, – на всякий случай добавила она.

– Сергей, комната двадцать шестая. Вечером занесёшь.

Настя, не веря своему счастью, затаив дыхание смотрела на сокровище, которое Сергей сунул ей в руки. Её тут же обступили одноклассники и другие ребята: каждому хотелось полюбоваться и потрогать необычную вещь. Подросток сам не смог бы объяснить свой поступок. Просто на миг в огромных голубых глазах этой девочки он увидел себя, вспомнил, как в её возрасте завидовал старшим. Он прекрасно знал, что ещё не скоро этой ребятне представится возможность самим что-то покупать. За часы он не опасался: из-за прочного корпуса они были устойчивы к падению (он на свой страх и риск это уже проверил), а специально разбивать их молотком или ронять с третьего этажа малышня не будет.

Глава 3. Неожданное решение

Праздник прошёл, потянулись серые будни. Часы Настя вернула в тот день за полчаса до отбоя. Теперь они стояли у Сергея на тумбочке, и только Петька знал, что они ещё и светятся. Чтобы он не разболтал остальным, пришлось пообещать конфеты с ближайших трёх дней рождений. Петя был человеком слова, так что за эту маленькую тайну Серёжа больше не опасался. Главное – сумели сойтись в цене.

В детском доме жило четверо его одногодков: Петя, Гоша, Лида и Полина. Их выпуск был самым недружным. Так получилось, что он сам общался только с парнями постарше, Егор был по жизни одиночкой, а Пётр был «социальным»: его мать лишили родительских прав за постоянные запои, отец отбывал срок за убийство в тюрьме. Петя утверждал, что его отца засудили:

– Там вообще была просто пьяная драка. Ну, подумаешь, проломили какому-то чуваку бутылкой голову, а тот возьми и отбрось копыта по дороге в больницу, – иногда перед сном любил разглагольствовать он. – Вообще, за случайное убийство положен условный срок.

Тем не менее его отца осудили на пять лет. Пётр надеялся, что через полгода, когда тот освободится, поедет домой в село Старый Камыш, которое находилось в тридцати минутах езды от города.

– А ты знаешь, сколько у наших соседей было кур! А ещё они держали корову, – вспоминал он.

По всей видимости, в их семье скотину не держали, да и вообще жили впроголодь. «Так стоит ли тогда возвращаться?» – так и хотелось спросить размечтавшегося соседа, но каждый раз Сергей заставлял себя промолчать.

Девчонки тоже не отличались крепкой дружбой. Тихоня Лида была почти отличницей, правда по какой-то неизвестной Сергею причине освобождена от физкультуры. В принципе, она была довольно красива: волнистые светлые волосы почти до пояса обычно собраны в хвост. Тёмные серо-синие глаза смотрели будто в душу. Настолько пронизательный, как у неё, взгляд был только у директрисы. Возможно именно за это её в детдоме и невзлюбили. Сергей даже не знал, есть ли у неё здесь друзья. Ну, за исключением той малышни, которая всё время вертится вокруг неё. Лида, единственная из старших девочек, с ними играла, а иногда даже вместо воспитателей читала им сказки.

Фигуристая Полина по праву считалась одной из признанных красавиц. Прямые абсолютно чёрные волосы были всегда наполовину распущены, чуть раскосые карие глаза с шикарными густыми ресницами буквально завораживали. Вообще, поговаривали, что её бабка была шоркой, вот Полина и взяла всё лучшее из обеих рас. Проверить это было невозможно: она была подкидышем или, как её когда-то называли воспитатели, «потеряшкой». Её история была уникальна даже для детского дома. Однажды на исходе лета какая-то пожилая дама увидела четырёхлетнюю девочку на автобусной остановке. Поскольку других взрослых рядом не оказалось, а девочка зашлась слезами, когда её спросили «Где мама?», женщина вызвала полицейских. Девочка плохо разговаривала, и так и не смогла объяснить стражам порядка, где родители и сколько она просидела на той остановке. Полину временно отправили в приют, по всем местным и даже по центральному телеканалу и в газеты были даны объявления о найденном ребёнке, но никто за Полиной так и не пришёл. Её определили в детский дом. Полгода продолжались активные поиски хоть каких-нибудь родственников, и только через три года её оформили как подкидыша, и опека дала добро на усыновление. Однако её история сохранилась в личном деле. Возможно именно поэтому потенциальные усыновители так и не рискнули взять к себе девочку, за которой в любой момент могли прийти настоящие родители.

Училась Полина плохо. То ли ей не давались науки, то ли они её просто не интересовали. В восьмом классе она умудрилась даже остаться на второй год, получив аж пять двоек по основным предметам. Зато прекрасно вышивала, умела и любила вязать и вообще единственные предметы, по которым она получала только пятёрки – музыка и технология (или, как называли её в старину, домоводство). Полина и не скрывала, что не хочет учиться. По её мнению, женщина должна исключительно сидеть дома, а муж – зарабатывать. Может, это и правильно. На свидания её приглашали часто, но с детдомовскими она не ходила, искала «миллионера».

– Внимание! Средняя и старшая группы! – громогласно произнесла Лариса Степановна, остановив воспитанников, собирающихся уже покидать столовую. – Хочу вас обрадовать. Наконец-то стал известен график поездок в летние лагеря. Вторые-четвёртые классы уезжают через неделю в «Звёздочку». 20-го числа на третью смену в «Ратник» мы проводим седьмые-девятые классы. 28-го в «Солнечный» отправятся 5—6 классы. 10—11 классы и те, кто окончил школу, отправятся в этом году на спортивную базу «Поднебесные Зубья», 3-го августа.

– А первые? – подняв руку, неуверенно спросил какой-то мальчик.

– У тебя на двери написано «1 класс»? – строго спросила одна из воспитательниц средней группы.

– Нет, второй, – сам удивляясь такому открытию, ответил ребёнок и сел на место под приглушённые хихиканья старших ребят.

Видать ещё не свыкся с тем, что перешёл в другой класс. Будущих первоклассников переведут в среднюю группу только в сентябре. А что касается дошкольников, то их ещё в начале июня в сопровождении воспитателей услали в детско-оздоровительный лагерь «Малышок» на две смены; они должны были вернуться недели через две. «По мне, так лучше бы их туда на всё лето закрыли, шума меньше» – подумал Сергей, скользнув взглядом по низким разноцветным столам у окна.

С обеда уходили все возбуждённые. Ребята обсуждали предстоящие поездки и строили планы. Сергей не торопился покидать стол: всё равно они с Петькой сегодня дежурят по столовой. Протерев столы и подняв за всеми стулья, они вместе вышли в коридор.

– Гляди, а они уже вывесили свой график, – заметил Петя новый листок на доске объявлений.

Они подошли. Сергей стал внимательно изучать таблицу.

– А вернёмся-то только 25-го, – вслух произнёс одноклассник. – Надо до отъезда документы в техникум отнести и заявление написать. А то ещё придётся идти в десятый класс.

Да, это было проблемой. Серёжа-то думал, что может выбирать до конца лета, а тут эта спортивная база! Лучше бы опять отправили в «Ратник». Может, удастся с Полиной поменяться? Она-то, несмотря на возраст, поедет как девятиклассница.

– Ты специальность уже выбрал? – чтобы поддержать беседу и отвлечься от тяжёлых мыслей, спросил товарища юноша.

– Если баллов хватит или будет квота, то на механика. А нет, на тракториста пойду, в деревне пригодится, – пожал плечом Пётр.

«Везёт, – с некоторой завистью подумал Серёжа. – А мне-то что делать? Учителя повесят, если я в школе останусь»

На самом деле у него была мечта. Он любил математику, и у него хорошо получалось рисовать. Как-то даже его работы школа на конкурс в музей отправляла. Он тогда занял второе место и получил грамоту и коробку конфет, которую разделил с одноклассниками, чтобы не светиться лишний раз в детдоме. Его тогда пригласили в художественную школу, но он отказался: всё равно никто бы за него платить не стал, это же не бесплатная секция. Хотя

даже в бесплатные кружки можно было ходить только с письменного разрешения директора, а после случая с машиной она наверняка имела на него зуб.

В общем, к ним как-то приходили из академии культуры и искусств. Ну не к ним, а к одиннадцатиклассникам. Но брошюры-то давали всем желающим. Одна из них до сих пор лежит в его рюкзаке. В принципе, ему достаточно было бы набрать средние баллы по русскому и математике, а там всё зависит от творческого испытания. С тех пор, как приходили агитаторы академии, Серёжа время от времени возвращался к мысли о двух понравившихся специальностях – ландшафтный дизайнер и архитектор. Правда для последней необходима была ещё история, а он с датами никогда не дружил.

– Наверное, я всё-таки пойду в десятый класс, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс подросток.

Пётр удивлённо посмотрел на него и покрутил пальцем у виска.

– Только через мой труп! – не сдержалась учительница русского языка, случайно зашедшая в директорский кабинет.

Сергей не стал откладывать решение в долгий ящик, и на следующее же утро после завтрака отправился в школу писать заявление.

– Ирина Викторовна, – покачал головой директор, и опять обратился к мальчику, – Серёжа, ты хорошо подумал? Сдавать ЕГЭ гораздо сложнее. Ты уже выяснил, сколько баллов и какие предметы нужны тебе для поступления?

Подросток просто кивнул, чувствуя себя не очень уютно. Ну почему руссичка ещё здесь? Он же всё-таки не провалил её предмет.

– Леонид Петрович, – не сдержалась женщина, – Кузнецов еле переступил минимальный порог. Ему делать нечего в десятом классе!

– Неужели изменились правила русского языка?! – не сдержался Серёжа. – Вот понимаю, математика...

Ирина Викторовна от такой наглости просто задохнулась. Зато директор, наоборот, улыбнулся. Серёжа понял, что сыграл верно: Леонид Петрович в прошлом был учителем математики.

– И всё же, – вернулся мужчина к проблеме. – Сергей, ты понимаешь, что программы всех предметов будут намного сложнее? Тебе за эти два года придётся выучить материала больше, чем за все предыдущие пять лет.

– Но и я старше, – разумно ответил подросток. – Тем более на ЕГЭ мне нужны только русский и математика.

– Кузнецов, а ты не думал поступить сперва в техникум? – фальшиво-ласковым тоном предприняла очередную попытку отговорить ученика женщина. – Получил бы техническое образование, а потом поступил бы в свой ВУЗ. После техникума по специальности берут сразу на третий курс.

– Во-первых, это будет уже не бюджетное место. Во-вторых, если я поступлю в академию после одиннадцатого класса, то мне продолжат платить пособие, а после техникума, когда у меня будет уже на руках специальность, – нет, – благодаря мысленно Васю за правовое просвещение, аргументировал свой выбор Серёжа. – И, наконец, в-третьих, моя специальность изучается только в ВУЗах, и мне всё равно придётся поступать на первый курс.

Ирина Викторовна поджала губы и, пробормотав «За результат не ручаюсь», положила какие-то документы на стол директору и вышла из кабинета. Леонид Петрович кивнул ученику на стул, дал бумагу и ручку:

– Пиши...

Так Сергей выбрал свой путь. Оставалось зайти к директрисе детдома и поставить в известность о своём решении. К счастью, право выбора у него было.

Глава 4. В поисках правды

Удивительно, но как только Сергей определился с учёбой, даже дышать стало легче. Будто тот груз, что давил на плечи с начала лета, невидимо испарился. Полчаса назад он вышел из кабинета Фаины Михайловны. Директриса сегодня была явно в хорошем настроении.

– Кузнецов? Зачем пожаловал? – спросила женщина, не отрываясь от компьютера, когда воспитанник робко вошёл в кабинет.

– Я это... в школе останусь, – растерявшись, промямлил Сергей.

Он-то надеялся передать информацию через секретаршу, а та устроила ему личную аудиенцию с «Сиреной». Так за глаза все называли директора: уж больно громко она кричала, когда её выводили из себя.

– Это окончательное решение? – мельком окинула его оценивающим взглядом Фаина Михайловна.

– Да. Я уже в школу отнёс аттестат и заявление написал.

– Хорошо. Можешь идти, – отмечая что-то в лежащей на столе записной книжке, отпустила его директриса.

Не веря своему счастью, подросток замешкался. Фаина Михайловна подняла на него вопрошающий взгляд. Сергей почувствовал слабость в ногах от этого рентгеновского взора. Пробормотав «До свидания», он шмыгнул за дверь, как какой-нибудь испугавшийся первоклассник. Наверно, бояться эту сухонькую старую женщину у него было уже на уровне инстинкта. Поборов некстати возникшее чувство стыда, он отправился в свою комнату.

И вот теперь он вальяжно возлежал на своей заправленной кровати и всей грудью вдыхал свежий воздух, проникающий в открытую форточку. Он чувствовал себя марафонцем, пробежавшим километров десять и пришедшим к финишу первым. Навскидку он даже не мог вспомнить, когда ему здесь было столь хорошо. Будто после многих лет оказался, наконец-то, дома.

– Эй, чего разлёгся? – в комнату вошёл мрачный Пётр. – И перестань улыбаться, как идиот.

– Мы, в общем-то, не друзья, чтобы такими фразочками без последствий бросаться, – лениво заметил Сергей, продолжали блаженно валяться.

– Друзья-не друзья, а после столько лет в одной комнате, по крайней мере, должны были стать родственниками, – выдал сосед, тяжело опускаясь на стул своего рабочего стола.

От удивления Серёжа даже привстал на локтях, посмотрев на спину собеседника:

– Что случилось-то?

– Да отца досрочно выпускают. Сегодня суд был, – нехотя ответил сосед.

– Ну так это же здорово! Ты же сам хотел, чтобы он забрал тебя отсюда, – не понял Сергей.

– Сирена к себе вызвала. Говорит, что в конце месяца назначили заседание. Хотят лишить и его родительских прав, «из-за потенциальной опасности», – передразнил Петька директрису.

– Думаешь, лишат? – без насмешки спросил Серёжа.

Сосед повернулся к нему. В тёмно-карих глазах подросток прочитал обречённость.

– А то, – отводя взгляд и сжимая кулаки, ответил Пётр. – Во-первых, у него нет отдельного дома, а жить с мамкой нам вряд ли позволят. Во-вторых, он пьёт не меньше её, да ещё и дебоши в селе устраивает. Ну и только из тюрьмы. Какой судья отдаст такому асоциальному типу ребёнка, – скривился одноклассник.

– Ну, зато ты ещё два года будешь с нами, – попытался приободрить его Сергей. – На базу вместе поедem.

– Тоже мне – велика радость. Какой-нибудь закрытый лагерь для трудных подростков, как всегда.

Петя замолчал, погружённый в свои невесёлые мысли. Для него лишение отца прав было катастрофой вселенского масштаба.

– Зато здесь кормят, – попытался отвлечь его Серёжа. – Печку топить не надо, огород копать...

– Да заткнись ты, – грубо оборвал его Пётр. – Без тебя тошно.

Пожав плечами и не желая больше находиться с «родственничком» в одной комнате, Сергей отправился во двор. До обеда оставалось меньше часа, так что гулять воспитатели не отпустят, а вот на крыльце постоять или на площадку – пожалуйста.

Спускаясь по лестнице, мальчик всё думал. Странно, но перебранка с соседом никак не отразилась на его приподнятом настроении.

Двадцатого числа с утра в «Ратник» уехала большая часть старшей группы. В детдоме почти никого не осталось: тринадцать пяти-шестиклассников, их четверо (без Полины) и семеро старших.

Кроме Андрея, Жени и Димы, на старшем выпуске был Кирилл. У Кирилла родителей не было, но была бабушка, которой почему-то не дали оформить опеку. Она приходила к нему каждые выходные, приносила всегда что-нибудь вкусное, тайком передавала сигареты. В детдоме он жил третий год. По слухам, родители были наркоманами, а сам он с двенадцати лет состоит на учёте в отделе по делам несовершеннолетних. Занимался боксом, поэтому наезжать на него не решались. Зато именно Кирилл сумел в своё время объединить и взять под защиту всех «социальных». Местный Робин Гуд. Его банда защищала и «свою» малышню и девчонок. Первое время Васька пытался их подмять, но те взяли количеством, и в результате было заключено относительное перемирие, по которому с «социальными» больше не связывались, но и те в дела «отказников» не вмешивались.

Ещё в старшей подгруппе были три девчонки: Маргарита, Ксюша и Оля. Ольга, нарушив все традиции, встречалась с Кириллом, за что «отказники» считали её предательницей, но в открытую высказываться не рисковали. Марго училась в техникуме на швею и гуляла с каким-то молодым преподавателем, по слухам. Из семерых только Ксюша продолжила учиться в школе. Кроме библиотеки, её мало что интересовало, хотя в последнее время она дружила с Васькой. Видятся ли они теперь, Сергей не знал.

И вот благодатная тишина. Завтра возвращаются малыши, и о ней не останется и следа, но сегодня можно было вдоволь насидеться на скамейке у пустующей детской площадки. Или даже посидеть на качелях с книгой в руках, чтобы никто не подумал, что ты «вспомнил детство». Замечательная не очень жаркая погода, лёгкий ветерок. Атмосфера идеальная для размышлений.

В такой спокойной и мирной обстановке Сергею и пришло в голову пойти к директорисе. Почему-то именно сегодня ждать оставшиеся два года стало невмoгoту.

– Можно к Фаине Михайловне, по личному вопросу? – спросил он у секретаря.

«Леночка» – довольно полная женщина средних лет. Серёжа сколько помнил, она была секретарём и все поголовно называли её только по имени.

– Заходи, – вернувшись из кабинета, разрешила секретарша.

Уже сомневаясь в своём импульсивном решении, подросток медленно вдохнул и выдохнул. Понимая, что отступить поздно, он вежливо постучался и вошёл, не дожидаясь приглашения.

– Добрый день, Фаина Михайловна, я хотел с вами поговорить.

– Присаживайся, – строго взглянув на воспитанника, кивнула на стул директриса. – Внимательно тебя слушаю. Ты всё-таки решил пойти в техникум?

– Нет, не в этом дело, – покачал головой Серёжа. – Я хотел спросить о своей квартире. Она сейчас сдаётся?

Женщина внимательно посмотрела в глаза мальчику, будто намереваясь прочесть его мысли.

– Нет, – наконец ответила она. – Комиссией было принято решение закрыть квартиру под ключ, для сохранности имущества. Если желаешь, чтобы она сдавалась, ты имеешь полное право написать заявление.

– Нет, меня всё устраивает, – тут же отказался Сергей, на секунду представив, что могут сделать с квартирой недобросовестные жильцы. – А коммунальные услуги?

– Содержание жилья полностью покрывает государство, можешь не волноваться.

Подросток поёрзал на стуле и, наконец, выдал:

– А я могу её посетить? Ну, посмотреть на её состояние?

В поблекших с годами серых глазах директрисы отразилось удивление.

– С чего бы такой интерес? – подозрительно спросила она.

– Ну, понимаете... – замялся Сергей.

Взгляд женщины стал суровым, и мальчик понял, что придётся сказать правду.

– Я хочу посмотреть документы. И... найти фотографии, – потупив взор, добавил Сергей.

Повисла пауза. Серёжа нервно ёрзал на стуле, ожидая вердикта, Фаина Михайловна молчала, продолжая внимательно изучать воспитанника.

– Если вы запретите, я сам взломаю двери, – неожиданно даже для себя добавил подросток.

– Это уголовно наказуемо, – спокойно ответила директриса.

– Я собственник, квартира моя, – не совсем уверенно возразил Сергей, упрямо подняв голову.

– Хорошо, – наконец ответила женщина. – Но при двух условиях. Во-первых, у тебя будет ровно пятнадцать минут. Во-вторых, ни одна живая душа не должна узнать о том, куда я тебя возила. Будут спрашивать, мы ездили к стоматологу, у тебя неожиданно заболел зуб. В два часа жду тебя на улице.

– Спасибо, – только и смог ответить ошарашенный мальчик.

Он никак не надеялся на такую удачу. Максимум, на что рассчитывал – узнать адрес квартиры. Он действительно думал о взломе и даже хотел в субботу попросить Ваську найти подходящего человека. А тут так подфартило! Кто бы подумал, что у Сирены есть сердце!?

Сразу после обеда Серёжа вышел во двор, и все оставшиеся полчаса прождал директрису, как на иголках. Ему навязчиво казалось, что Фаина Михайловна уже передумала. Время тянулось мучительно долго.

Но вот, наконец, женщина вышла из здания и жестом велела идти следом. Они вместе покинули территорию детского дома и сели в тёмно-синий Форд.

– Пристегнись, – бросила женщина, блокируя двери и тоже пристёгиваясь.

Они ехали минут десять, пока не остановились у старой пятиэтажки. С замиранием сердца мальчик зашёл в пахнувший котами и подвалом подъезд. И всё равно, что это была обычная хрущёвка в старом районе города, зато она была его родной, собственной.

– Пришли, – остановил его голос Фаины Михайловны, когда он собирался уже подняться на третий этаж.

Квартира оказалась на втором этаже. Чёрная железная дверь без глазка прямо напротив лестницы.

Ключ два раза повернулся в замке, и Сергей с благоговением ступил на порог собственного дома.

– Пятнадцать минут, – напомнила директриса.

Не став разуваться, подросток прошёл внутрь. Он знал, что дома быстро ветшают, если в них не живут люди. Мебель, ковёр... всё было покрыто толстым слоем пыли, обои от времени потемнели, по углам паутина. Квартира явно нуждалась в генеральной уборке, а лучше в капитальном ремонте. Старые деревянные окна с покарябанными стёклами, чугунные батареи. Но времени разглядывать полузабытый с детства интерьер, не было.

Быстро пройдя во вторую комнату, оказавшуюся спальней, он осмотрел комод, на котором было несколько его фотографий в рамочке. С замиранием сердца он взял ту, где они были с мамой. Как невероятно давно это было! Он в костюме Винни Пуха и мама в праздничном платье обнимает его на фоне новогодней ёлки.

Забрав фотографию, подросток вернулся в гостиную. Здесь стояли диван и раздвижное кресло, в котором он когда-то спал; шкаф с книгами, советских времён телевизор и журнальный столик.

– Основные документы хранятся у меня в кабинете, – известила воспитанника Фаина Михайловна. – Оставшиеся должны быть в полочке над телевизором.

– Откуда вы знаете? – удивился Серёжа, кидаясь к указанной полке.

– Я лично присутствовала при осмотре квартиры, когда тебя определили в наш детский дом, – соизволила ответить женщина, с каким-то сочувствием наблюдая за мальчиком.

Пропустив её слова мимо ушей, Сергей вытащил старую женскую сумку и папку с какими-то бумагами. Мельком проглядев папку и не найдя там ничего интересного для себя, он вплотную занялся сумкой.

Мамин школьный аттестат, диплом, копия свидетельства о собственности, товарный чек на утюг, инструкция к нему, чеки оплаты коммунальных слуг, негативы. Просмотрев последние, Сергей, как ни старался, не смог сдержать слёз: вот он совсем маленький, вот здесь они с мамой на детской площадке, а здесь ему исполнился годик... И ни одной, ни одной фотографии, сделанной до его рождения, которая бы проливала свет на мучивший его вопрос.

Поднимая сумку на место, он заметил у стенки небольшой фотоальбом, но и здесь были только фотографии с негативов. Ни маминой свадьбы, ни бабушек и дедушек. Только он и мама. На некоторых он играет с другими детьми, но других взрослых на фотографиях не было.

– Нам пора, – отвлекла его от грустных мыслей и воспоминаний Фаина Михайловна.

Молча кивнув головой, Сергей убрал всё на место.

– Можно? – спросил он, прижимая к груди фотографию. – Я никому её не покажу.

– Считай это подарком на твой день рождения, – немного подумав, согласилась директор. – Будем считать, что она хранилась у меня в твоём личном деле.

– Спасибо, – сквозь слёзы улыбнулся подросток.

Вернулись в детдом они часа через два. Как выяснилось, Фаине Михайловне необходимо было заехать в комитет, так что Сергею пришлось ждать её в машине больше часа.

Расскажи ему кто о такой ситуации раньше, ни за что не поверил бы, что грозная Сирена способна безбоязненно оставить на такой долгий срок малолетнего хулигана в своей любимой иномарке. Да и вообще, что директриса может поступиться правилами и даже сама выдумать вполне правдоподобные отмазки.

Хотя, надо признать, он был ей благодарен. Даже больше. Сейчас, сидя в её машине и разглядывая дорогую сердцу фотографию в обычной рамке под стеклом, он не мог и помыслить что-то стащить или сломать. Это было бы подло. Наоборот, он поклялся себе больше никогда не участвовать в делах банды, даже если они примут его обратно. Ну не мог он так поступить с женщиной, которая, возможно, даже нарушила закон ради него.

Ещё одним сегодняшним открытием, буквально перевернувшим его мир, стало осознание, что он почти на голову выше Фаины Михайловны. Он непроизвольно обратил на это внимание, когда они уходили из пятиэтажки. Почему-то ему всегда казалась директриса очень высокой женщиной, а ведь он сам был всего лишь среднего роста, ниже многих мальчишек.

Как только вернулись, Серёжа, ещё раз поблагодарив директора, сразу отправился в свою комнату, пряча фотографию под футболкой. К счастью, Петра в спальне не оказалось. Закрыв дверь и приперев её стулом (защёлки были только в комнатах девочек, да и то лишь в старших группах), Сергей стал усиленно соображать, куда спрятать фотографию. Не хотелось бы, чтобы во время очередного планового обхода её обнаружили. Подросток не боялся, что её заберут, но был же Петька, который наверняка будет расспрашивать. А если, не дай Бог, ещё кому проболтается. Столь личные вещи следовало прятать похлеще любых сигарет.

Рамка определённо мешала, придётся ею пожертвовать. Серёжа оглядел свой рабочий стол в поисках ножниц, чтобы поддеть картонку с обратной стороны фоторамки. И вдруг взгляд его остановился на подаренной Васькой книге. Гениально! Если спрятать фотографию под обложкой, никто никогда не увидит.

– А я-то думал, зачем ты нужна мне?

Это был сборник законов, включающий в себя закон «О гарантиях по социальной поддержке детей-сирот», выдержки из трудового и жилищного кодексов, закон о правах потребителей, и вообще все законы, которые, по мнению автора, могли помочь воспитанникам детских домов в жизни. Он так и назывался «Я – сирота, но я знаю свои права». Где Вася раздобыл такой сборник, Сергей так и не понял. Книжка была аккуратно обёрнута в полупрозрачную обложку, а на развороте было красивым Васькиным почерком написано:

«Я знаю, что ты бы предпочёл планшет. Не скажу, что у меня нет двух-трёх тысяч хотя бы на самый плохенький. Но я честно опасаюсь, что ребята его у тебя заберут или сломают. Прости, но Андрюха тебя одной левой уложит, если захочет. Так что под девизом „Книга – лучший подарок!“ дарю тебе на память этот сборник, чтобы ты, неуч, наконец-то ознакомился с законами, которые касаются непосредственно тебя. И только попробуй не прочитать! Твой друг и товарищ Василий»

И внизу стояла дата и размашистая подпись. Естественно, Сергей даже не думал её читать. Просто положил на край стола да и забыл.

Взяв ножницы, Серёжа вытащил картонку и вытряхнул на кровать фотографию. К его удивлению, фотографий оказалось две. Обратная сторона второй была полностью исписана мелким почерком. Мальчик взял её и перевернул. На немного пожелтевшей фотокартонке была мама. За ней стоял и крепко её обнимал улыбающийся темноволосый мужчина.

– Папа, – глотая подступивший к горлу ком, прошептал мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.